

Т Е Н Ь а в т о р а

Матвей Баранов

Тень автора

<https://litres.ru/74040528>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спустя полтора года после ареста Строгова в Петербурге появляется новый серийный убийца, который с пугающей точностью воспроизводит сюжеты Гоголя. Первая жертва найдена с томиком «Ревизора» и знакомым символом: три вертикальные линии, перечёркнутые одной. Следователь Артём Герасимов и филолог Алиса Морозова вынуждены вновь объединиться. Единственный, кто может помочь, — сам Строгов. Из тюрьмы он сообщает: настоящий вдохновитель всё ещё на свободе и называет себя Читателем. Тот, кто когда-то учился у Строгова, намерен завершить его дело, превратив город в сцену для мрачного спектакля, а Герасимова и Алису — в его главных героев.

«Тень автора» — прямой сиквел интеллектуального детективного триллера «Тень Достоевского». Это история о том, где заканчивается литература и начинается безумие, о природе зла, которое умеет ждать, и о выборе между тьмой и светом, который приходится делать каждому — даже тем, кто привык ловить чужие тени.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Чужой почерк	9
Глава 2. Исповедник	32
Глава 3. Читатель	52
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Матвей Баранов

Тень автора

Пролог

Полтора года спустя

Петербургская осень, как всегда, не обещала ничего хорошего. Дождь то начинался, то затихал, оставляя на асфальте маслянистые лужи, в которых отражались размытые огни фонарей. В такую ночь город напоминал декорацию к спектаклю, который ещё не начался, но уже заставил зрителей занять свои места.

В одном из старых домов на Литейном проспекте, где рельефные украшения на потолках помнили ещё царские времена, а в подъезде пахло пылью и дорогими сигарами, дверь квартиры номер семнадцать была приоткрыта. Внутри горел приглушённый свет.

Тот, кто вошёл сюда час назад, не пользовался отмычками. Он просто нажал на звонок, и хозяин открыл сам — потому что ждал гостя. Не этого гостя, разумеется, но в ту ми-

нугу он ещё не знал, что его ждут совсем не для светской беседы.

Теперь хозяин лежал на полу посреди гостиной, окружённый осколками фарфоровых статуэток, которые собирал всю жизнь. Глаза его были открыты и смотрели в потолок с выражением крайнего изумления — казалось, даже после смерти он не мог поверить в случившееся.

Убийца не торопился. Он аккуратно вытер руки платком, поправил воротник чёрного пальто и оглядел комнату. Взгляд его упал на книжный шкаф, где за стеклом теснились прижизненные издания русских классиков. Он открыл дверцу, провёл пальцем по корешкам и вытащил тонкий томик в потёртом переплёте. Гоголь. «Ревизор». Издание 1898 года, довольно потрёпанное и выцветшее.

Раскрыв книгу на нужной странице, он подчеркнул карандашом одну строчку — аккуратно, по линейке, словно готовил конспект. Затем, не вытирая пальцев, испачканных кровью, положил томик на грудь убитого.

На стене, над антикварной тумбой из красного дерева, он нарисовал маркером уже знакомый знак: три вертикальные линии, перечёркнутые одной горизонтальной. Символ Голгофы, перевёрнутый смысл.

Он отступил на шаг и любовался своей работой. Затем достал из кармана телефон, набрал сообщение — всего три слова — и отправил его на номер, который значился в его записной книжке под кодовым именем «Читатель».

После этого он покинул квартиру так же тихо, как и вошёл. Дождь на улице усилился, смывая следы. Петербург умел хранить секреты.

Артём Герасимов проснулся от телефонного звонка в шестом часу утра. За окнами его квартиры на Фонтанке ещё стояла глубокая тьма, и только далёкий гул просыпающегося города обещал, что когда-нибудь рассвет всё-таки наступит. Он лёжа, машинально, нащупал телефон и услышал голос дежурного — встревоженный, почти срывающийся:

— Артём Сергеевич, труп на Литейном. Коллекционер. И там... В общем, вам лучше приехать самому.

— Что значит «там»? — спросил Герасимов, уже натягивая брюки.

— Книга. И знак. Тот самый, что у Строгова.

Горелов одним рывком сел на кровать, сна как не бывало.

Он положил трубку и несколько секунд сидел неподвижно, глядя на стену, где до сих пор висела карта Петербурга с булавками — наследие того дела, которое он закрыл, но которое так и не отпустило его до конца.

Строгов сидел в колонии особого режима. Герасимов проверял это месяц назад — лично звонил начальнику учреждения. Значит, либо у него появился раздражитель, либо... Либо всё, что случилось тогда в ту ночь в церкви на окраине города, было не финалом, а только антрактом.

Он оделся, взял ключи от машины и уже в дверях задержал взгляд на фотографии, стоявшей на полке. Алиса Морозова улыбалась ему с того самого дня, когда они вдвоём стояли на набережной канала Грибоедова под первым снегом. Они не виделись почти год. После закрытия дела она пыталась вернуться к нормальной жизни, а он — он просто не знал, как вернуться к ней после всего, что между ними было. Или не было. Он и сам до сих пор не понял.

Герасимов мотнул головой, отгоняя ненужные сейчас мысли, и вышел в промозглую питерскую ночь. Машина несла его по пустым улицам, а в голове крутилась одна и та же строчка — не из Достоевского, из Гоголя. «Чему смеётесь? — Над собою смеётесь!».

Он ещё не знал, что эта строчка — не случайность.

И что автор нового спектакля уже написал для него роль.

Глава 1. Чужой почерк

Достоевский утверждал, что Петербург — «самый умышленный город на свете». Гоголь видел его иначе — городом, где нос сбегает от хозяина, а мёртвые души покупаются оптом. Артём Герасимов никогда не любил Гоголя. Тот казался ему несерьёзным для города, где каждый второй подъезд пахнет кровью и временем.

Но этой осенью Гоголь сам пришёл к нему. Без приглашения. Как всегда — бесцеремонно.

Телефон зазвонил в пять сорок три утра. Герасимов помнил это точно, потому что первым делом бросил взгляд на светящийся циферблат электронных часов, прежде чем нащарить трубку. С некоторых пор он приучил себя фиксировать время всех важных звонков — профессиональная деформация, ставшая чем-то вроде суеверия. Время — единственное, что нельзя подделать. Всё остальное — можно.

— Артём Сергеевич, — голос дежурного звучал так, будто его обладатель уже выпил три чашки кофе и ни одна не помогла. — Труп на Литейном. Дом семь, квартира семнадцать. Коллекционер антиквариата. И там... В общем, вам

лучше приехать самому.

— Что значит «там»? — Герасимов уже спустил ноги на пол, нащупывая тапочки. Холодный воздух квартиры обжёг кожу.

— Книга. И знак. Тот самый, что у Строгова.

Пауза. Герасимов услышал, как где-то в глубине дома, этажом ниже, хлопнула входная дверь. Соседка повела на прогулку своего вечно недовольного мопса. Жизнь продолжалась.

— Строгов в колонии, — сказал он, скорее для себя, чем для дежурного. — Я проверял.

— Так и я о чём. Книга новая, а знак старый. Приезжайте, Артём Сергеевич. Тут без вас не разобраться.

Он положил трубку и несколько секунд сидел неподвижно, глядя на карту Петербурга, пришпиленную к стене над письменным столом. Карта была старая, ещё с прошлого расследования. Разноцветные булавки отмечали места преступлений: красные — «Преступление и наказание», синие — «Идиот», чёрные — «Бесы». Он так и не снял её. Рука не поднималась. Казалось, убери он карту — и всё случившееся

станет окончательно реальным. А так — висит себе, как напоминание о кошмаре, который можно принять за вымысел.

На соседней полке стояла фотография в простой деревянной рамке. Алиса Морозова на набережной канала Грибоедова, под первым ноябрьским снегом. Он снял её на телефон в тот день, когда они закрыли дело. Она смеялась — не наигранно, не эксцентрично, а просто и открыто, как смеются люди, пережившие страшное и оставшиеся в живых. Герасимов помнил, что хотел сказать ей тогда что-то важное, но так и не решился. Потом были рапорты, допросы, суд. Потом — неловкая попытка встретиться в кафе, закончившаяся вежливым «спасибо за всё, до свидания». Потом — тишина. Почти год.

Он отвёл взгляд от фотографии, быстро оделся, плеснул в лицо ледяной водой из-под крана и вышел в подъезд, где пахло кошками и старой штукатуркой. Машина ждала во дворе — тёмно-синий «Форд», купленный три года назад и с тех пор служивший ему верой и правдой. Герасимов завёл двигатель и выехал на пустые улицы.

Петербург в шесть утра был почти нереален. Фонари ещё горели, но их свет размывался в густом молочном тумане, наползавшем с Невы. Дворники скребли по лобовому стеклу, размазывая водяную пыль. Он проехал Литейный мост, глядя на чёрную воду, и подумал, что город снова выглядит

как декорация. Как будто кто-то расставил кулисы, повесил задник и ждёт, когда на сцену выйдут актёры.

Только на этот раз я не знаю ни сценария, ни автора.

Дом, где было совершено преступление, на Литейном проспекте был старым, постройки конца девятнадцатого века. Фасад облупился, обнажив кирпичную кладку, но массивная дубовая дверь с медной ручкой всё ещё выглядела внушительно. У подъезда уже стояли две полицейские машины и карета скорой помощи. Жёлтая лента огораживала вход, за ней мялся дежурный участковый — молодой парень с покрасневшими от недосыпа глазами.

— Герасимов, Следственный комитет, — Артём показал удостоверение.

— Проходите, товарищ подполковник. Квартира на втором этаже. Криминалисты уже там.

Подъезд был тёмный и обшарпанный. Шаги отдавались эхом от высоких потолков. Широкая лестница с коваными перилами вела наверх. На площадке второго этажа пахло полиролью и чем-то ещё — железным, тошнотворным, что Герасимов узнал бы из тысячи запахов. Кровь.

Дверь квартиры номер семнадцать была распахнута настежь. В прихожей толпились люди в форме, но при появлении Герасимова расступились. Он прошёл в гостиную и остановился на пороге.

Комната была большой, метров сорок, с высокими окнами, задёрнутыми тяжёлыми бархатными шторами. Вдоль стен стояли застеклённые витрины с фарфоровыми статуэтками — пастушками, балеринами, амурчиками. Многие были разбиты, осколки усеивали пол, словно кто-то в ярости смахнул целую полку. Но Герасимов сразу понял: это не ярость. Слишком аккуратно лежали осколки, слишком ровной линией. Часть статуэток стояла нетронутой. Кто-то разбил их выборочно.

Тело лежало в центре комнаты, на персидском ковре, который, судя по тёмным пятнам, впитал немало крови. Мужчина лет шестидесяти, крупный, с аккуратной седой бородкой и залысынами. Одет в дорогой домашний халат, расширенный шёлком. Причина смерти не вызывала сомнений: колотая рана в области сердца. Орудие отсутствовало. Убийца унёс его с собой.

Но не это заставило Герасимова замереть на пороге.

На груди убитого лежала книга. Небольшой томик в по-

тёртом переплётё, раскрытый примерно посередине. Рядом с ним, прямо на ковре, валялся простой графитовый карандаш. А на стене, над антикварным бюро красного дерева, чернел уже знакомый символ: три вертикальные линии, переречённые одной горизонтальной. Знак Голгофы, перевёрнутый смысл. Подпись Строгова.

Герасимов подошёл ближе, стараясь не наступить на осколки. Присел на корточки рядом с телом и осторожно, через перчатку, приподнял книгу. Гоголь. «Ревизор». Издание 1898 года, достаточно старое и потрепанное. Книга была раскрыта на сцене, где Городничий произносит свою знаменитую реплику. Одна строчка была подчёркнута карандашом — аккуратно, по линейке:

«Чему смеётесь? — Над собою смеётесь!»

— Он её не просто подчеркнул, — раздался голос за спиной.

Герасимов обернулся. В дверях стоял майор Ветров, в неизменном помятом плаще. Он выглядел так, будто его тоже подняли с постели, но в отличие от Герасимова, Ветров успел где-то раздобыть стаканчик с кофе.

— Здорово, Тёма. Давно не виделись.

— Полгода, — Герасимов кивнул. — Что ты сказал?

— Я говорю, он её не просто подчеркнул. Смотри. — Ветров подошёл ближе и указал толстым пальцем на страницу. — Карандаш. Графитовый. Но на странице следов графита нет. Только вдавленная линия.

Герасимов присмотрелся. Действительно: линия была не нарисована, а продавлена. Как будто кто-то приложил линейку и с силой провёл карандашом, не оставляя следа. Или — провёл чем-то твёрдым, просто имитируя подчёркивание.

— Он не хотел пачкать книгу, — медленно произнёс Герасимов. — Коллекционное издание. Убийца знал цену.

— Или не хотел оставлять следов карандаша, по которым можно что-то определить, — добавил Ветров. — Но это ещё не всё. Глянь на знак.

Герасимов подошёл к стене. Три вертикальные линии, одна горизонтальная. На первый взгляд — точная копия символа, который Строгов оставлял на местах своих преступлений. Но, приглядевшись, он заметил разницу. У Строгова линии всегда были ровными, почти чертёжными — он рисовал их с какой-то болезненной аккуратностью. Здесь же горизонтальная линия была чуть длиннее, а вертикальные —

слегка наклонены вправо. Почерк другой.

— Это не он, — сказал Герасимов.

— Уверен?

— У Строгова линия горизонта была короче. Он всегда говорил, что перекладина на кресте — самая короткая, потому что человеческое страдание конечно, а божественное — бесконечно. Здесь она длиннее вертикальных. Кто-то другой рисовал.

— Подражатель? — Ветров отхлебнул кофе.

— Или ученик.

Они замолчали. Криминалист, работавший с телом, поднял голову:

— Артём Сергеевич, есть ещё кое-что. Взгляните на осколки.

Герасимов подошёл к витрине. Разбитые статуэтки лежали на полу, но среди них были и целые. Он провёл взглядом по полке: пастушка, балерина, амур с луком... Все целые статуэтки стояли ровно, а разбитые лежали на полу. Но

при этом не было ощущения хаоса. Осколки лежали кучками, каждая — под тем местом, где раньше стояла фигурка.

— Кто-то разбил их методично, — сказал Герасимов. — По одной. Снимал с полки и бросал на пол.

— Именно, — подтвердил криминалист. — И, судя по расположению осколков, он делал это уже после убийства. Следов борьбы нет. Хозяин был мёртв, когда начали бить фарфор.

— Зачем?

— Может, искал что-то? — предположил Ветров. — Тайник?

— Нет. Если бы искал тайник, разбил бы всё подряд. А он разбил выборочно. Посмотри: все пастушки целы, все балерины разбиты. Амуры — половина цела, половина нет. Какой-то принцип есть, но я его пока не понимаю.

Герасимов вернулся к телу. Что-то не давало ему покоя. Что-то связанное с книгой. Он снова взял в руки томик «Ревизора» и перевернул несколько страниц назад, к началу сцены. И тогда заметил то, что пропустил в первый раз.

На полях, возле реплики Городничего, тем же вдавленным почерком было выведено одно слово. Всего одно. Но оно заставило Герасимова похолодеть.

«Помнишь?»

— Он обращается к кому-то, — прошептал Герасимов. — Это не просто подпись. Это вопрос.

— К кому? — Ветров заглянул через плечо.

— Пока не знаю. Но он ждёт, что тот, кто это прочитает, поймёт.

Он закрыл книгу и бережно передал её криминалисту.

— Упакуйте. И проверьте на отпечатки. Хотя, уверен, их там не будет.

Остаток утра прошёл в рутине: опрос соседей (никто ничего не видел и не слышал), выемка записей с камер видеонаблюдения (камеры в подъезде не работали — «второй месяц как ремонт»), оформление протокола. Жертву звали Илья Петрович Штерн, шестьдесят два года, антиквар, коллекционер русского фарфора и прижизненных изданий классиков. Жил один, посетителей принимал редко, врагов, по словам

соседей, не имел. Обычный петербургский затворник, каких в этом городе тысячи.

Но одна деталь всё же всплыла. В записной книжке Штерна, найденной в ящике бюро, значился телефонный номер. Без подписи, просто девять цифр. Герасимов пробил его по базе. Номер принадлежал Михаилу Валерьевичу Строгову. Вернее, принадлежал полтора года назад, до его ареста. Теперь он был отключён, но сам факт связи между жертвой и человеком, которого Герасимов лично отправил за решётку, заставлял о многом задуматься.

— Может, просто покупал у него антиквариат? — предположил Ветров, когда они сидели в кабинете Герасимова на Фонтанке. За окнами уже рассвело, но серое небо не обещало ничего хорошего. — Строгов до своего... хм... увлечения был священником. У таких людей часто бывают старые книги, иконы.

— Возможно. Но номер записан в книжку не как «Михаил» или «отец Михаил». Просто номер. Без имени. Так записывают тех, с кем не хотят афишировать связь.

— Думаешь, Штерн знал, кто такой Строгов на самом деле?

— Думаю, нам нужно выяснить это. И ещё — мне нужна информация по Лондону. — Герасимов повернулся к компьютеру. — Три месяца назад там были похожие убийства. По Диккенсу.

— Диккенс? — Ветров присвистнул. — Это уже не наша епархия.

— Наша. Потому что, если это тот же человек, он перебрался сюда. И сменил автора.

Ветров ушёл поднимать международные каналы, а Герасимов остался один. Он сел за стол, положил перед собой фотографию знака, книгу (точнее, её копию — оригинал увезли на экспертизу) и записную книжку Штерна. В голове крутилась одна и та же мысль: «Помнишь?». К кому обращается убийца? К нему, к Герасимову? К Строгову? Или к кому-то третьему?

Он вспомнил тот день в церкви Спаса Нерукотворного. Строгов, стоящий на коленях. Его шёпот: «Прости, что я возомнил себя Тобой». Искреннее раскаяние или блестящая игра? Герасимов до сих пор не знал ответа. На суде Строгов вёл себя тихо, признал вину, отказался от последнего слова. Психиатрическая экспертиза признала его вменяемым. Его отправили в колонию особого режима, где он, по отчётам

администрации, «соблюдает режим, не конфликтует, читает много». Что он читает? Герасимов запросил список — ему отказали, сославшись на врачебную тайну. Тогда он не стал настаивать. Теперь подумал, что зря.

Он открыл ящик стола и достал тонкую папку. Личное дело Строгова — копия, которую он сделал для себя и хранил, сам не зная зачем. Биография, послужной список, материалы допросов. Из них следовало: Михаил Валерьевич Строгов, 1969 года рождения, уроженец Вологодской области. В 1994 году рукоположен в сан. Служил в разных приходах. В 2012 году лишён сана за «действия, несовместимые с духовным званием» — формулировка туманная, но Герасимов знал подробности: Строгов отказался исповедовать человека, которого считал нераскаянным грешником, и публично обвинил церковное начальство в лицемерии. Потом — скитания, случайные заработки, первое убийство в Лондоне.

Герасимов закрыл папку. Ему нужно было понять, что за человек стоит за новыми убийствами. И лучше всех в этом могла разобраться только она.

Алиса Морозова.

Он не звонил ей почти год. После того декабрьского вечера, когда они попрощались у дверей её квартиры, он несколько раз набирал её номер, но не решался нажать кнопку вы-

зова. Что он мог ей сказать? «Привет, как дела?» — глупо. «Я скучаю» — страшно. «Давай встретимся» — навязчиво. Он не умел говорить о чувствах. Он умел только работать.

Но сейчас работа требовала именно этого.

Он взял телефон. Нашёл в списке контактов её имя — «Алиса М.». Просто инициал, будто она — персонаж книги, а не живой человек. Нажал «вызов».

Гудок. Второй. Третий. Он уже хотел сбросить, когда услышал её голос — немного удивлённый, но не враждебный:

— Артём Сергеевич? Вы?

— Я.

Пауза. Он представил, как она стоит сейчас — скорее всего, на кухне, с чашкой кофе в руке, в том самом смешном халате с кошачьими ушами, который он однажды видел, когда приехал слишком рано. Или, может быть, она уже на кафедре, готовится к лекции, окружённая кипами книг. Он не знал. Он слишком долго не интересовался.

— Что-то случилось? — спросила она, и в её голосе он

уловил нотку тревоги. Она сразу всё поняла. Она всегда всё понимала.

— Случилось. Мне нужна ваша помощь.

— Опять?

— Опять.

Тишина. Ему показалось, что прошла вечность, прежде чем она ответила:

— Я жду вас в «Баре Королевы». Через час.

И повесила трубку.

Кафе «Бар Королевы» на Итальянской улице не изменилось. Тот же полуподвальный зал с низкими потолками, те же афиши Серебряного века на стенах, тот же запах старой бумаги и крепкого кофе. Герасимов спустился по ступенькам и сразу увидел её. Она сидела за тем же столиком, что и полтора года назад, когда они только начинали расследование. Перед ней лежала раскрытая книга, но на этот раз — не Достоевский. Что-то другое. Он не разглядел названия.

— Здравствуйте, Артём Сергеевич, — она подняла голову, и он заметил, что она изменилась. Не внешне — внешне

она была всё та же: тёмные волосы, небрежно собранные в пучок, светлые глаза, лёгкая усмешка в уголках губ. Но что-то в её взгляде стало другим. Более спокойным? Или, наоборот, более закрытым? Он не мог понять.

— Здравствуйте, Алиса... — он запнулся на отчестве. Раньше она всегда настаивала, чтобы он называл её по имени, без отчества. — Просто Алиса.

— Ну вот, уже прогресс, — она улыбнулась, но улыбка вышла чуть натянутой. — Садитесь. Рассказывайте.

Он сел напротив и выложил на стол фотографии с места преступления. Она взяла их, внимательно рассмотрела. Особенно долго задержалась на снимке знака и на развороте книги.

— Гоголь, — произнесла она наконец. — «Ревизор». Хрестоматийная строчка. Но подчеркнута не маркером, не чернилами...

— Вдавлена. Мы заметили. Убийца не хотел портить книгу.

— Или не хотел оставлять следов, по которым можно определить нажим, угол наклона, марку карандаша... Да, это не Строгов. Строгов всегда оставлял следы. Он хотел, чтобы

его работу видели. Он гордился ей. А этот — нет. Он прячется.

— Но знак тот же.

— Знак — это подпись, — Алиса откинулась на спинку стула. — Но подпись можно подделать. Важнее другое: зачем Гоголь? Почему не Достоевский? Строгов работал по «пятикнижию». Его последователь, если это последователь, должен был бы продолжать. Но он выбрал другого автора. Почему?

— Может быть, он не последователь? Может быть, он хочет сказать, что Строгов — не единственный учитель? Что есть и другие... тени?

— Возможно. — Алиса задумчиво провела пальцем по краю чашки. — Гоголь и Достоевский — они ведь связаны. Помните: «Все мы вышли из гоголевской „Шинели“»? Достоевский считал Гоголя своим учителем. Если Строгов — это Достоевский, то новый убийца может быть... Гоголем? Но это слишком прямолинейно.

— Здесь ещё надпись на полях, — Герасимов показал ей копию страницы. — Одно слово: «Помнишь?».

Она долго смотрела на это слово. Потом перевела взгляд на него.

— Это обращение. Личное. Кому-то, кто должен вспомнить что-то конкретное. Вы уже проверили прошлое жертвы?

— Проверяем. Но я думаю, это обращение не к жертве. Жертва — просто материал. Как всегда.

— Тогда к кому? К вам?

— Не знаю. Может быть, к Строгову.

При упоминании этого имени Алиса чуть заметно вздрогнула. Герасимов заметил это.

— Вы с ним общались после суда? — спросил он осторожно.

— Нет. — Она покачала головой. — Я пыталась. Посыла-ла запросы на свидания. Он отказал. Все три раза.

— Почему?

— Не знаю. Может быть, не хотел меня видеть. Может быть, считал, что наш разговор окончен. А может быть, —

она помедлила, — берёг меня.

— Берёг? От чего?

— От себя. — Она подняла глаза, и Герасимов увидел в них что-то, чего не видел раньше. Не страх. Скорее — печальное понимание. — Строгов — не просто убийца. Он — идеолог. Он залезает в голову и остаётся там навсегда. Вы это знаете не хуже меня. Вы же сами были его «Иваном Карамазовым», помните?

Он помнил. Слишком хорошо помнил.

— Алиса, — сказал он, подавшись вперёд. — Я понимаю, что не имею права просить вас об этом. После всего, что было. Но... никто не знает Строгова так, как вы. Если новый убийца действительно связан с ним, если он — его ученик или последователь, нам нужен ключ. И этот ключ — в голове у Строгова.

— Вы хотите, чтобы я поехала к нему в колонию? — она усмехнулась, но усмешка вышла горькой. — Он же отказывает мне.

— Отказывал. Но сейчас ситуация изменилась. У него появился подражатель. А Строгов — человек гордый. Он не

потерпит, чтобы кто-то работал под его именем без его одобрения. Возможно, теперь он захочет говорить.

Алиса долго молчала. Потом взяла фотографию знака, поднесла ближе к свету и тихо произнесла:

— Знаете, что он сказал мне в тот день, в церкви? Когда вы вышли, и мы остались вдвоём на минуту. Он сказал: «Вы ещё придёте ко мне, Алиса. Не как к заключённому. Как к исповеднику».

— И вы пришли? — тихо спросил Герасимов.

— Нет, — она покачала головой. — Я не хотела давать ему эту власть. Но теперь... — она посмотрела на фотографии, разложенные на столе, на слово «Помнишь?», на перевёрнутый крест. — Теперь мне кажется, что у меня нет выбора.

— Выбор есть всегда, — сказал Герасимов. — Я не заставляю вас. Я прошу.

— Вы просите, — повторила она. — Это новое. Раньше вы требовали.

— Раньше я был дураком.

Она улыбнулась — на этот раз почти искренне.

— Ладно. Я попробую. Но с одним условием: вы не будете меня контролировать. Никаких прослушек, никаких скрытых камер. Только я и он. Как в прошлый раз.

— Это слишком опасно.

— Я знаю. Но иначе он не станет говорить. Ему нужна аудитория. Один зритель. И этим зрителем должна быть я.

Герасимов хотел возразить, но осёкся. Он видел по её глазам: она уже всё решила.

— Хорошо, — сказал он. — Я согласен. Но если что-то пойдёт не так...

— Если что-то пойдёт не так, — перебила она, — вы будете рядом. Я знаю.

И он понял, что она права. Он будет рядом. Не как следователь. Как человек, который за этот год так и не смог вычеркнуть её из своей жизни.

Вечером того же дня Герасимов сидел в своём кабинете и в десятый раз пересматривал материалы дела. Ветров принёс

долгожданный ответ из Лондона: да, три месяца назад там произошли два убийства с литературными инсценировками. Жертвы — ростовщик и домовладелец, оба — выходцы из России. На месте преступления находили томики Диккенса с подчёркнутыми строчками и знак: три вертикальные линии, перечёркнутые одной. Правда, нарисованные не маркером, а выцарапанные на стене ножом. Почерк опять же другой. Но связь очевидна.

Убийца путешествует. Или переезжает. И с каждым переездом меняет автора.

В Лондоне — Диккенс. В Петербурге — Гоголь. Что дальше? Булгаков? Лермонтов? Пушкин? И главное — кто он? Человек, который лично знал Строгова? Или просто его фанат, начитавшийся газетных статей о процессе?

Герасимов потёр переносицу. Глаза устали, но он знал, что сегодня всё равно не уснёт. Слишком много вопросов. Слишком мало ответов.

На столе зазвонил телефон. Номер был незнакомый.

— Герасимов слушает.

— Артём Сергеевич? — голос был женский, молодой, взволнованный. — Это Алиса. Я только что получила пись-

мо.

— От кого?

— От Михаила Валерьевича Строгова. Он согласен на встречу.

Герасимов почувствовал, как внутри всё сжалось. Игра началась. И ставки в ней были выше, чем когда-либо.

Глава 2. Исповедник

Гоголь однажды заметил, что «редкая птица долетит до середины Днепра». Строгов перефразировал это для себя: «Редкая птица долетит до середины разговора, не выдав себя». Алиса знала: их разговор будет полётом над бездной. И каждый вопрос станет испытанием на прочность.

Она не боялась бездны. Она боялась, что бездна заговорит с ней его голосом.

Утро началось с серого неба и телефонного звонка. Герасимов, уже одетый, стоял у окна и смотрел, как первый снег робко ложится на карнизы соседнего дома. Трубку он снял после первого гудка.

— Артём Сергеевич? — голос Алисы звучал глухо, словно она только что проснулась или, наоборот, не ложилась вовсе. — Я готова. Во сколько выезжаем?

— В девять. Я заеду за вами.

— Не нужно. Я сама доберусь до управления. Оттуда поедем вместе.

Он хотел возразить, но передумал. В конце концов, это её решение. И она имеет право сохранить хотя бы видимость контроля над ситуацией.

— Хорошо. Жду в восемь сорок пять.

Пауза. Он слышал её дыхание в трубке — ровное, но слишком размеренное, словно она нарочно его контролировала.

— Артём Сергеевич, — сказала она наконец. — Что бы он мне ни сказал там... вы не должны в это вмешиваться. Обещайте.

— Обещаю, — ответил он, хотя знал, что это обещание будет самым трудным в его жизни.

В управление он приехал раньше обычного. Ветров уже сидел в его кабинете с неизменным стаканчиком кофе и кипой бумаг. Вид у майора был озабоченный.

— Лондон прислал полный пакет, — сказал он вместо приветствия. — Два убийства с интервалом в две недели. Оба — ножом, оба — с инсценировкой. Жертвы: ростовщик и домовладелец. Оба выходцы из России, оба имели сомни-

тельную репутацию. На месте преступления — раскрытые томики Диккенса: «Оливер Твист» и «Лавка древностей». Строчки подчёркнуты... точнее, продавлены. И знак. Тот же, что и у нас.

— Три линии, одна горизонтальная? — уточнил Герасимов.

— Да, но выцарапан ножом на стене. Не нарисован. Эксперты говорят — лезвие другое, не то, которым убивали. Почерк похож, но не идентичен. Как будто человек копировал, но рука дрожала.

— Или нервничал. Первые убийства — задумчиво произнёс Герасимов. — Он учился. Набирался опыта. А теперь перебрался сюда и сменил автора.

— Почему Гоголь?

— Может, потому что Гоголь — это наше, родное. Может, потому что Диккенс и Гоголь — современники, оба писали о маленьком человеке. А может просто потому, что в Петербурге Гоголь звучит иначе. Здесь его тени на каждом углу.

Ветров хмыкнул и подвинул к нему лист.

— Есть ещё кое-что. Мы проверили записную книжку Штерна. Номер Строгова — не единственная связь. Восемь месяцев назад Штерн продал на аукционе первое издание «Мёртвых душ». Ушло за бешеные деньги. Покупатель анонимный, но угадай, кто был посредником?

— Кто?

— Фонд «Юный ангел». Вернее, его остатки после скандала с Мироновой. Фонд давно ликвидирован, но счета, как выяснилось, не все закрыты. Через них проходили платежи за антиквариат. Мы запросили данные, но банк пока тянет.

Герасимов присвистнул. Дело обрастало связями, и каждая ниточка вела в прошлое — то самое, которое он пытался забыть.

— Значит, убийца не просто подражатель. Он знал Строгова. Или, по крайней мере, знал его окружение.

— Или он знает нас, — мрачно добавил Ветров. — Следил за процессом. Читал прессу. Может быть, даже присутствовал на суде.

— Среди журналистов или зрителей?

— Я уже поднял списки. Но ты сам понимаешь — их сотни. Нужно время.

Время. То, чего у них никогда не было в достатке.

Алиса пришла ровно в восемь сорок пять. Она была одета в тёмное пальто и чёрную водолазку, волосы собраны в строгий пучок. Никакой эксцентрики, никаких ярких деталей. Только глаза — светлые, сосредоточенные — выдавали внутреннее напряжение.

— Вы готовы? — спросил Герасимов, хотя вопрос был риторическим.

— А вы? — ответила она вопросом на вопрос и чуть улыбнулась. — Не волнуйтесь. Я знаю, что делаю.

— Я не волнуюсь, — солгал он.

Они вышли из управления и сели в машину. Герасимов вёл молча, сосредоточенно глядя на дорогу. Алиса сидела рядом, отвернувшись к окну, и смотрела, как проплывают мимо серые фасады Петербурга. За городом пейзаж сменился унылыми полями и голыми перелесками.

— Вы давно не звонили, — сказала она вдруг, не поворачи-

чивая головы.

Герасимов сжал руль.

— Не знал, что сказать.

— Сказать можно было что угодно. «Привет, как дела» — вполне подходящий вариант.

— «Привет, как дела» — это для обычных людей. А мы с вами... мы не обычные.

— Мы — те, кто пережил кошмар и сделал вид, что ничего не было? — она наконец повернулась к нему. — Я пыталась жить дальше, Артём Сергеевич. Честно пыталась. Преподавала, писала статью, даже сходила на пару свиданий. Но знаете что? Каждый раз, когда я читаю лекцию о Достоевском, я вижу его лицо. Каждый раз, когда я прохожу мимо канала Грибоедова, я вспоминаю тот снег. И вас.

Он промолчал. Что он мог ответить? Что тоже вспоминал? Что тоже не мог спать по ночам, думая о ней, но так и не решился набрать номер? Это были бы пустые слова. А слова между ними всегда имели вес.

— Я боялся, — сказал он наконец.

— Чего?

— Что вы не захотите меня видеть. Что после всего, что случилось, я — просто напоминание о кошмаре. И что, если я позвоню, вы вежливо попросите меня исчезнуть.

— Я бы не попросила, — тихо ответила она.

Больше они не говорили до самой колонии.

Колония особого режима располагалась в ста километрах от Петербурга — серый бетонный комплекс посреди заснеженного поля, обнесённый рядами колючей проволоки. Часовые на вышках, ворота с электронными замками, запах сырости и казённого сукна. В комнате для посетителей было чисто, но уныло: пластиковые стулья, перегородка из толстого оргстекла, тусклая лампа под потолком.

Герасимов остался в коридоре. Он видел, как Алиса прошла через металлодетектор, как ей выдали пропуск и проводили в комнату для допросов. Она обернулась на мгновение и кивнула ему — коротко, сухо, по-деловому. Но он заметил, как дрогнули её пальцы, когда она поправляла воротник.

Дверь закрылась. Герасимов прислонился к стене и приготовился ждать.

Алиса села на стул перед стеклом. С той стороны было пусто — только такой же стул и серый прямоугольник стены с облупившейся краской. Она положила руки на колени и стала ждать.

Прошло пять минут. Десять. Пятнадцать.

Потом дверь с той стороны отворилась, и вошёл он.

Михаил Валерьевич Строгов изменился. Тюремная роба сидела на нём мешковато, лицо осунулось, виски поседели ещё сильнее. Но глаза — серые, почти бесцветные — остались прежними: цепкими, пронизательными, с той самой мерцающей искрой, которую Алиса помнила слишком хорошо. Он шёл неторопливо, словно не в камеру для допросов, а на кафедру для лекции. Сел на стул, аккуратно расправил складки робы и посмотрел на неё сквозь стекло.

— Здравствуйте, Алиса.

Голос его звучал спокойно, почти ласково.

— Здравствуйте, Михаил Валерьевич.

— Вы получили моё письмо. Я рад, что вы приехали. — Он чуть склонил голову набок. — Вы похудели. Плохо спи-

те? Или опять кофе вместо обеда?

— Не стоит заботиться о моём здоровье. Я здесь по делу.

— Разумеется. — Он улыбнулся одними уголками губ. — «По делу». Как будто мы с вами — коллеги по цеху. Но вы ведь знаете: у нас с вами не «дела». У нас — беседы. Долгие, содержательные беседы, которые что-то меняют в нас обоих. Разве не так?

Она не ответила. Он воспринял это как согласие.

— Вы пришли спросить о новом убийце. О том, кто работает по Гоголю. Я прав?

— Вы читаете новости?

— Новости? — он усмехнулся. — Алиса, голубушка, я сижу в камере двадцать три часа в сутки. У меня нет интернета, нет телевизора. Но у меня есть почта. И есть люди, которые мне пишут. Иногда — совершенно незнакомые люди, которые считают меня кем-то вроде гуру. Они рассказывают мне о том, что происходит в мире. И о том, что происходит в Петербурге.

— Значит, вы знаете об убийстве на Литейном.

— Знаю. — Он перестал улыбаться. — Я знаю о нём больше, чем вы можете предположить. И я знаю, кто это сделал.

Алиса подалась вперёд, не в силах скрыть волнения.

— Кто?

— Не так быстро. — Строгов поднял руку, останавливая её. — Я не даю показания. Я не свидетель на допросе. Я — ваш собеседник. А собеседники, как известно, делятся информацией. Но взамен получают что-то не менее ценное.

— Что вы хотите?

— Хочу? — он задумался, глядя куда-то поверх её плеча. — Хочу, чтобы вы рассказали мне о себе. О том, как вы прожили этот год. О чём думали, что читали, с кем говорили. О том, снился ли вам я.

— Снились, — честно ответила она, потому что ложь была бы замечена мгновенно. — Снились.

— И что я делал в ваших снах?

— Стояли у алтаря и читали проповедь. Я не помню слов.

Только голос.

Строгов медленно кивнул, словно удовлетворённый ответом.

— Хорошо. Это честно. Я ценю честность. — Он сложил пальцы домиком. — Тогда слушайте. Человек, которого вы ищете, — он не просто подражатель. Он — ученик. Но не мой. Я никогда его не учил. Он сам назначил себя моим последователем. Он читал обо мне в газетах, он присутствовал на суде. Он написал мне три письма — длинные, сумбурные, полные восторженного бреда. Он считает, что продолжает моё дело. Но он ошибается.

— В чём его ошибка?

— Он думает, что литературное убийство — это спектакль. А я всегда считал это богослужением. Он играет с текстом, как актёр-любитель. Он заигрывается. Он оставляет подсказки не потому, что хочет быть пойманным, а потому что не может удержаться от дешёвого позёрства. — Строгов поморщился. — Гоголь! Надо же было выбрать Гоголя. Это же водевиль, а не трагедия.

— Гоголь писал не только водевили. «Шинель», «Записки сумасшедшего», «Мёртвые души»...

— Знаю-знаю, — перебил он. — Вы филолог, вы сейчас прочитаете мне лекцию о маленьком человеке. Но оставим академические споры. Важно другое: этот человек опасен именно своей непредсказуемостью. Я убивал по системе. Я выбирал жертв, которые воплощали порок в чистом виде. Я давал им шанс — нет, не спастись, но хотя бы осознать. А он убивает ради самого процесса. Ему нравится оставлять подписи. Нравится, когда о нём говорят. Он — актёр, которому нужна аудитория.

— Вы знаете его имя?

— Я знаю имя, которым он подписывал письма. Но оно наверняка фальшивое. «Читатель». Он так себя называет. «Ваш преданный Читатель». — Строгов усмехнулся. — Пошло, не правда ли?

Алиса запоминала каждое слово. «Читатель». Это уже что-то.

— Как он выглядит? Вы можете его описать?

— Я видел его только однажды, на суде. Тогда он сидел в заднем ряду — молодой человек, лет двадцати пяти, может, чуть старше. Худой, сутулый, в очках. Таких сотни в любом университете. Я тогда не обратил на него внимания. А через

месяц получил первое письмо.

— Вы сохранили письма?

— Их изъяли при обыске. Наверняка лежат где-то в вашем управлении, покрытые пылью. Проверьте вещдоки по моему делу. Письма с пометкой «от Ч.». Три конверта, бумага в клетку, почерк — убористый, с сильным наклоном влево. Он писал о том, что я «открыл ему глаза на истинное предназначение литературы». Что «книги должны не просто читать, их должны проживать». Пафосные фразы, но за ними — холодный расчёт.

— Почему вы не рассказали об этом на следствии?

— Потому что меня не спрашивали. — Он развёл руками. — Ваши коллеги интересовались только моими преступлениями. Их не волновало, кто ещё может вдохновиться моим примером. А меня — волновало. Я знал, что рано или поздно появится тот, кто захочет продолжить. Но я думал, что это будет кто-то... более достойный.

Он замолчал, и в комнате повисла тишина. Алиса слышала только гудение лампы под потолком и далёкий стук — где-то в недрах колонии хлопнула железная дверь.

— Зачем вы согласились говорить со мной? — спросила она наконец. — Вы ведь отказывали мне три раза.

Строгов долго смотрел на неё, и в его взгляде читалось что-то похожее на нежность. Странную, извращённую, но нежность.

— Потому что вы — единственная, кто может понять, — сказал он тихо. — Не простить. Не оправдать. Понять. Вы читали мои письма, мои показания, мои дневники. Вы знаете, почему я стал тем, кем стал. И вы не отвернулись. Вам было страшно, вам было противно, но вы не отвернулись. Вы смотрели на меня и видели не чудовище, а человека. Ошибавшегося, сломавшегося, но человека. — Он перевёл дыхание. — Я не жду от вас прощения, Алиса. Я жду только одного: чтобы вы запомнили. Не мои преступления. Меня.

— Зачем?

— Потому что когда-нибудь, когда меня не станет, кто-то должен будет рассказать, что Тень — это не просто тьма. Это то, что остаётся, когда свет встречает препятствие. И препятствие это — я сам.

Алиса почувствовала, как к горлу подступает ком. Она ненавидела его за это — за способность говорить о себе с та-

кой пронзительной, почти поэтической грустью. За способность заставить её, пусть на миг, забыть о том, что перед ней — убийца.

— Вы сказали, что этот «Читатель» опасен, — произнесла она, возвращая разговор в деловое русло. — Как его найти? Где он может нанести следующий удар?

Строгов откинулся на спинку стула.

— Вы читали «Мёртвые души»?

— Разумеется.

— Тогда вспомните: Чичиков скупал мёртвые души — крестьян, которые умерли, но по ревизским сказкам числились живыми. Он строил на этом капитал. А теперь подумайте: кто в современном Петербурге торгует душами? Только не в буквальном смысле. В переносном. Кто покупает и продаёт репутации? Кто создаёт фальшивые биографии? Кто делает из пустоты товар?

— Политтехнологи? Пиарщики? — предположила Алиса.

— Теплее. Но подумайте ещё. — Он наклонился ближе к стеклу. — Чичиков был обходителен, вежлив, умел нравиться. Он проникал в доверие, а потом обманывал. У «Читате-

ля» та же тактика. Он выбирает жертв, которые занимаются обманом. Штерн, антиквар, торговал подделками — выдавал фарфоровые новоделы за старину. Ваш лондонский ростовщик обирал эмигрантов. Домовладелец выселял стариков на улицу. Все они были, по сути, Чичиковыми. Торговцами пустотой. И следующий будет таким же. Ищите того, кто недавно совершил крупную аферу, но вышел сухим из воды. Того, о ком писали в новостях. Того, кто считает себя неуязвимым.

— И как скоро он ударит?

— Гоголь работал быстро. «Ревизор» был написан за два месяца, «Мёртвые души» — за четыре года, но это не важно. Важно, что его герои нетерпеливы. Городничий боялся ревизора и действовал в панике. Чичиков спешил скупить души, пока не разоблачили. «Читатель» тоже спешит. Он уже выбрал следующую жертву. Возможно, даже совершил задуманное. Проверьте новости за последние часы.

Алиса встала. Разговор подходил к концу, но она чувствовала, что Строгов чего-то недоговаривает.

— Почему вы помогаете мне? — спросила она. — Почему не оставите его в покое? Пусть бы делал, что хочет.

— Потому что он портит моё наследие, — жёстко ответил Строгов. — Я не хочу, чтобы меня запомнили, как предшественника бездарного эпигона. Я хочу, чтобы моё дело осталось уникальным. Пусть даже в истории криминалистики. — Он помолчал. — И ещё... я не хочу, чтобы он причинил вред вам.

— Мне?

— Вы — единственный человек, который говорит со мной на равных. Единственный, кто не боится и не презирает. Если с вами что-то случится, мне будет... скучно. А скука в одиночной камере, поверьте, страшнее любого наказания.

Он улыбнулся — печально и чуть насмешливо. И в эту минуту Алиса поняла: Строгов действительно привязан к ней. Не как к женщине, не как к другу — как к идеальному читателю. Тому, кто понимает текст до конца. И от этого понимания ей стало не по себе.

— Я приеду ещё раз, — сказала она. — Если понадобится.

— Я знаю, — ответил он. — Вы всегда приезжаете, когда нужно.

Она вышла из комнаты, чувствуя на спине его взгляд —

тяжёлый, немигающий, проникающий, казалось, сквозь стены.

В коридоре её ждал Герасимов. Он стоял, прислонившись к стене, скрестив руки на груди. При виде Алисы он оттолкнулся от стены и шагнул навстречу.

— Ну что?

— Он знает убийцу. Вернее, знает, кто это может быть. Называет себя «Читатель». Писал Строгову письма в камеру. Возможно, был на суде. Молодой парень, очки, неприметная внешность.

— Это уже что-то. — Герасимов кивнул. — Я запрошу архивы.

— Ещё он сказал, что следующая жертва — кто-то из тех, кто «торгует пустотой». Аферист, пиарщик, махинатор. Тот, кто недавно провернул громкое дело и избежал наказания. Нужно поднять сводки.

— Сделаем. А вы... — он замялся. — Как вы?

— Нормально. — Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Он странный, Герасимов. Он не пытался

меня завербовать или запугать. Он просто... говорил. Как будто мы старые знакомые, которые встретились после долгой разлуки. Это пугает больше всего.

— Он всегда так делал. Проникал в голову.

— Да. Но теперь он в моей голове уже давно. И он это знает. — Она посмотрела ему в глаза. — Я не боюсь его. Я боюсь, что однажды перестану видеть разницу между его правдой и своей.

Герасимов взял её за руку. Просто взял — без слов, без лишних жестов. Она не отстранилась.

— Пока я рядом, вы не перестанете, — сказал он. — Обещаю.

Она кивнула, и они вместе вышли на улицу, где холодный ноябрьский ветер хлестал по лицу, а снег уже не таял, ложась белой пеленой на бетонные плиты и колючую проволоку.

Они вернулись в Петербург поздно вечером. В управлении их ждал Ветров с новостями: в сводках за сегодня значилось сообщение о смерти известного политтехнолога Григория Штейна, который полгода назад организовал скандальную предвыборную кампанию в одном из регионов и ушёл

от ответственности благодаря связям. Его нашли в загородном доме, застреленным из собственного пистолета. Рядом с телом — раскрытый томик «Мёртвых душ» с продавленной строчкой: «И какой же русский не любит быстрой езды?». И знаком на стене.

«Читатель» снова опередил их. Но теперь у них была зацепка. Письма. Архивы. И свидетельство самого Строгова. Охота началась по-настоящему.

Герасимов сел за стол и принялся набирать запросы. Алиса, сидевшая в углу кабинета с чашкой давно остывшего чая, смотрела на карту Петербурга с разноцветными булавками и думала о том, что сказал Строгов напоследок.

«Я не хочу, чтобы он причинил вред вам».

Была ли это забота? Или просто очередной ход в его бесконечной игре?

Она не знала. Но одно понимала точно: этот разговор — не последний. И тень Строгова ещё долго будет стоять между ней и тем человеком, который сейчас сидел напротив и которого она, кажется, начинала любить.

Глава 3. Читатель

Гоголь сжёг второй том «Мёртвых душ» за десять дней до смерти. Никто не знает, что было в той рукописи. Одни говорят — продолжение походов Чичикова. Другие — духовное перерождение героя. Третьи — просто бред сумасшедшего.

«Читатель» не сжигал рукописи. Он писал их заново. Кровью.

Утро после возвращения из колонии выдалось тяжёлым. Герасимов спал всего три часа, но проснулся с ощущением, что не спал вовсе. В голове крутились обрывки вчерашних разговоров, перемежаясь с картинками преступлений. Штерн с томиком «Ревизора» на груди. Знак на стене. Слово «Помнишь?», вдавленное в бумагу. Слова Строгова о «Читателе» — молодом, сутулом, в очках. И новое тело — Григорий Штейн, политтехнолог, застреленный в загородном доме с томиком «Мёртвых душ».

Он плеснул в лицо ледяной водой и посмотрел на себя в зеркало. Из отражения глядел усталый мужчина тридцати трёх лет, с тёмными кругами под глазами и ранней сединой

на висках. За полтора года, прошедших после дела Строгова, седины прибавилось. Он помнил, как находил первые серебряные нити — тогда, после той ночи в церкви, — и думал, что это плата за пережитое. Теперь он понимал: плата продолжает взиматься. И конца этому пока не видно.

В управление он приехал к восьми. Ветров уже сидел в его кабинете с неизменным стаканчиком кофе и видом человека, который спал ещё меньше.

— Ты когда-нибудь спишь? — спросил Герасимов вместо приветствия.

— На пенсии отосплюсь, — буркнул Ветров. — Если доживу. У меня новости. Во-первых, письма нашлись.

Он подвинул по столу тонкую папку. Герасимов открыл её. Внутри лежали три конверта из дешёвой коричневой бумаги, каждый в отдельном прозрачном файле. Обратный адрес на всех трёх был один и тот же: «Санкт-Петербург, до востребования». Отправитель — «Ч.». Бумага в клетку, мелкий почерк с сильным наклоном влево. Строгов описал всё точно.

— Их изъяли при обыске в камере Строгова ещё полтора года назад, — пояснил Ветров. — Но тогда никто не придал

им значения. Мало ли кто пишет маньякам. Лежали в коробке с вещдоками. Я запросил — подняли.

— Что в них?

— Читай. Первое — самое короткое.

Герасимов достал первый лист из файла и пробежал глазами. Почерк действительно был мелкий, буквы теснились друг к другу, словно писавший боялся, что бумаги не хватит.

«Уважаемый Михаил Валерьевич!

Пишет Вам человек, который присутствовал на всех заседаниях Вашего суда. Я не журналист и не родственник жертв. Я просто читатель. Тот самый читатель, о котором мечтает каждый автор, — внимательный, преданный, понимающий.

Я читал все Ваши показания, которые попали в прессу. Я читал Ваши письма (те, что удалось найти в архивах). Я прочитал всего Достоевского — «пятикнижие» и не только, — чтобы понять, что Вы хотели сказать. И я понял.

Вы не убивали этих людей. Вы давали им шанс — умереть осмысленно. Превратить свою никчёмную жизнь в часть великого замысла. Вы сделали их персонажами, а персонажи, в отличие от людей, не умирают. Они остаются на страницах.

Я хочу стать Вашим учеником. Не в буквальном смысле, конечно, — я понимаю, что Вы в заключении и наша переписка будет ограниченной. Но я хочу продолжить Ваше дело. Не сейчас. Позже. Когда уляжется шум. Когда все забудут. Тогда я напомню.

Пожалуйста, не отвечайте мне. Я знаю, что письма проверяют. Просто знайте: у Вас есть Читатель. И он Вас не забудет.

С уважением, Ч.»

Герасимов отложил лист. Руки чуть дрожали.

— Он писал это полтора года назад. За полтора года до первого убийства. Он планировал всё это заранее.

— Я же говорю, — Ветров допил кофе и скомкал стаканчик. — Это не просто фанатик. Это стратег.

— Дальше.

Второе письмо было длиннее.

«Михаил Валерьевич!

Вы не ответили, и я понимаю почему. Не хотите подставлять меня. Ценю Вашу заботу.

Я много думал о Вашем методе. О том, как Вы выбирали жертв. Достоевский — это, конечно, вершина. Никто не писал о преступлении и наказании так, как он. Но есть и другие авторы. Те, кто видел зло иначе — не как трагедию, а как фарс. Как гротеск. Как водевиль.

Я говорю о Гоголе.

Вы, наверное, удивитесь: почему Гоголь? Он же смешной. Но в том-то и дело. Смех — это тоже оружие. Более страшное, чем слёзы. Слезами можно разжалобить, смехом — уничтожить. Вспомните «Ревизора». Городничий, который всю жизнь обманывал, сам стал жертвой обмана. Вспомните «Мёртвые души». Чичиков, скупающий пустоту. Разве это не метафора современного мира? Мы все торгуем пустотой. Репутациями, лайками, подписчиками. Мы все — Чичиковы. Просто не все это осознают.

Я хочу показать это. Не словом — делом. Как Вы.

Когда-нибудь, когда мир будет готов, я начну. И Вы узнаете об этом. Даже если мы никогда не встретимся.

Ваш Ч.»

— Он подписался «Ваш», — заметил Герасимов. — Уже не просто «Читатель». «Ваш Читатель». Как будто они связаны.

— Так и есть, — кивнул Ветров. — Третье письмо — последнее. Оно пришло за месяц до лондонских убийств.

Герасимов достал третий лист. Почерк стал ещё более убористым, буквы — мельче, строки — теснее. Видимо, писал в возбуждении.

«Дорогой Михаил Валерьевич!

Время пришло. Я больше не могу ждать. Ваше дело забывают. Журналисты переключились на другие сенсации. Ваше имя упоминают всё реже. А я помню. Я помню каждое слово, которое Вы сказали на суде. Помните?

Я начинаю. Пока — за границей. Там, где меня не свяжут с Вами напрямую. Но потом я вернусь. В Петербург. В город, где Вы стали Тенью. И тогда — тогда все вспомнят.

Не знаю, получите ли Вы это письмо. Читаете ли Вы вообще мои послания. Но если да — знайте: Вы не одиноки. У Вас есть последователь. И он не подведёт.

До встречи в вечности, Ч.»

Герасимов положил письмо и несколько секунд сидел молча. Потом поднял глаза на Ветрова.

— «Помнишь?» — сказал он. — Это слово на полях «Ревизора». Это не нам адресовано. Это Строгову. «Читатель» спрашивает его: помнишь ли ты меня? Помнишь ли ты мои письма?

— Похоже на то, — кивнул Ветров. — Но есть одна странность. Письма вскрывались администрацией колонии. Строгов их получал, но не отвечал. По крайней мере, ответов в деле нет. И, судя по записям, он вообще не реагировал. Просто читал и откладывал.

— Он не отвечал, но сохранил письма. Не выбросил, не сдал администрации. Сохранил. Значит, они были ему важны.

— Или он знал, что они когда-нибудь пригодятся. Как сейчас.

— Возможно. — Герасимов встал и подошёл к карте Петербурга. Три красные булавки: Литейный проспект, заго-

родный дом Штейна... и одна — на месте первого убийства Строгова, полуторагодовой давности. — Нам нужен портрет этого «Читателя». Всё, что можно вытащить из писем. Бумага, чернила, отпечатки, анализ почерка. Плюс — списки присутствовавших на суде. Если он был на заседаниях, значит, где-то засветился. Охрана вела учёт посетителей?

— Вели. Но там сотни фамилий. Журналисты, студенты, просто зеваки.

— Значит, будем сужать. Мужчина, двадцать пять — тридцать лет (если сейчас, полтора года спустя, ему около тридцати). Худой, носит очки. Возможно, филологическое образование — слишком грамотные письма, слишком хороший слог. Проверьте списки студентов-филологов и журналистов, которые аккредитовались на суд. И ещё: у него есть загранпаспорт. Лондон. Въезд в Великобританию за последние полгода. Запросите пограничную службу.

— Уже запросил, — Ветров усмехнулся. — Думаешь, я зря кофе не пью третий день? Ответа пока нет, но жду к вечеру.

Герасимов кивнул и снова сел. На столе лежали фотографии трёх жертв. Штерн, коллекционер-фальсификатор. Лондонские ростовщик и домовладелец. Штейн, политтех-

нолог-манипулятор. Все они, по словам Строгова, «торговали пустотой». Создавали фальшивые ценности и наживались на них. Чичиковы нового времени.

— Что общего у Штейна и Штерна? — спросил он. — Кроме того, что оба — аферисты?

— Пока неясно. Но я поручил пробить их связи. Может, пересекались в каких-то сделках. Или у них общие знакомые. Или... — Ветров замялся.

— Или?

— Или убийца выбирает их по другому принципу. Не по связям, а по типуажу. Как Строгов выбирал своих. Помнишь? Ростовщик, лицемерная благотворительница, нигилист. У каждого был свой «грех». У этих — свой. Но какой именно?

Герасимов задумался. Типаж. Вот что сказал Строгов: «Читатель» играет с текстом. Он выбирает жертв не по системе, а по... вдохновению? Или по какому-то внутреннему списку?

— Нужно понять, кто будет следующим, — сказал он. — Строгов сказал Алисе, что убийца спешит. Если он уже убил

Штейна, то скоро выберет новую цель. А может, уже выбрал.

— У нас есть ориентировка. Молодой, очки, сутулый. Но этого мало.

— Нужно больше информации. — Герасимов встал. — Я еду в колонию.

— К Строгову? — Ветров удивлённо поднял брови. — Ты же сам посылал к нему Морозову.

— Она поговорила с ним о «Читателе». Но у меня есть другие вопросы. О Строгове самом. О его прошлом. О тех, с кем он общался до ареста. Может быть, среди его знакомых есть тот, кто подходит под описание.

— Думаешь, «Читатель» знал Строгова лично?

— Письма — это одно. Но слишком уж хорошо он понимает его метод. Слишком точно копирует. Так не копируют по газетам. Так копируют с натуры.

Ветров пожал плечами:

— Ладно. Поезжай. А я пока покопаюсь в бумагах. Может, что нарою.

Герасимов уже взял плащ, когда в дверь постучали. Вошла Алиса. Она выглядела лучше, чем вчера, — немного отдохнувшей, собранной. В руках держала пухлую папку.

— Я не вовремя?

— Как раз вовремя. — Герасимов задержался в дверях.

— Я еду к Строгову.

— Опять? — она нахмурилась. — Я же вчера...

— Вы говорили о «Читателе». Я хочу поговорить о нём самом. О его прошлом. О тех, кто мог бы стать его последователем. Возможно, он знает больше, чем сказал.

— Тогда я еду с вами.

— Не нужно. Вы вчера...

— Я вчера справилась. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — И сегодня справлюсь. К тому же, — она подняла папку, — я кое-что нашла.

— Что?

— Гоголевские мотивы в убийствах. Я проанализирова-

ла все три эпизода — Лондон и Петербург. Это не просто инсценировки. Это — литературный комментарий. Убийца не просто цитирует Гоголя, он его переосмысливает. В «Ревизоре» Городничий обманывает город и боится разоблачения. Штерн обманывал клиентов, продавая подделки, и тоже боялся разоблачения. Убийца словно говорит: «Ты боялся ревизора — я и есть твой ревизор». В «Мёртвых душах» Чичиков скупает мёртвые души, чтобы заложить их в банк. Штейн скупал репутации живых людей, чтобы манипулировать выборами. Убийца и здесь выступает в роли судьи — того, кто приходит и говорит: «Твои души — мёртвые».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.